

Дина Рубина: «ПИРОГОВ Я НЕ ПЕКУ...»

– Названия ваших книг завораживают: «Высокая вода венецианцев», «Ты и я под персиковыми облаками», «Глаза героя крупным планом»... Названия произведений приходят сами или вы долго и мучительно ищете их?

– Ну, что вы! Я совсем не могу придумывать хороших названий, всегда очень мучаюсь. Вот, разве что — «Высокая вода венецианцев»... Это название родилось из мелкой кражи сумки моего мужа. В Риме. А в сумке лежал, среди прочих нужных вещей, замечательный путеводитель по Италии. Пришлось нам в каждом городе покупать отдельный путеводитель. Издают их, как правило, местные фирмы, переводят на русский язык случайные люди...

И вот, в Венеции, лежа вечером в номере и листая безграмотный путеводитель, я сказала мужу: — Глянь, как они переводят венецианское наводнение, буквальная калька с итальянского: «Высокая вода венецианцев». И как только произнесла эти слова, меня словно толкнули в сердце — я сразу поняла, что это название повести. Понимаете? Не рассказа и не романа. Я по названию почувствовала объем и «вес» будущей вещи. Оставалось только ее придумать и написать. Вернулась из поездки и написала.

– Положение писателя-женщины явно сложнее, чем писателя-мужчины: семья требует постоянного внимания, а хочется же сосредоточиться и на работе...

– Профессия литератора — это работа, а не вышивание. Это тяжелый многочасовой труд, подчас изнуряющий, огромная психофизическая нагрузка, вам это любой психоневролог скажет... Можете ли вы представить, чтобы женщина-врач или женщина-биолог

Ее книги переведены на тринадцать языков. Она живет в Израиле, но ездит по всему миру. Ее произведения старательно изучают студентки филологических факультетов. Она пишет о своей жизни, но лирическая героиня никогда не тождественна автору.

Она меняет маски одну за другой, развлекаясь сама и превращая в карнавал жизнь своего читателя. Дина Рубина — одна из самых известных русскоязычных писательниц Израиля и, пожалуй, самая модная сейчас среди столичной публики.

MICROSOFT WORD, РАБОЧИЙ СТОЛ, ПАПКА ROSSIA, ФАЙЛ SINDIKAT ИЗ РОМАНА-КОМИКСА «СИНДИКАТ»

«...какое счастье, что я — человек птичий, и проснуться в пять утра мне не в тягость. Семья спит, значит, эти два заветных часа — с пяти до семи, — станут моим необитаемым островом, куда я не позволю сунуть нос ни одному на свете Пятнице...

...ременная-погонная, кнутовая писательская упряжка: необходимость вывезти буквами хоть несколько слов, хоть несколько строк, будто через эти, мельчайшие капилляры кириллицы, мы выдыхаем в пространство переработанный воздух нашей жизни. Уже очевидно, что при моей московской круговерти ничего серьезного написать не удастся. Впрочем, обрывки этих рассветных мыслей, вчерашние картинки и ошметки разговоров все равно сослужат в будущем свою неминуемую службу.

Какое счастье — этот волшебный «ноутбук», купленный для меня безотказным и многоопытным Костяном в лабиринтах компьютерного рынка на Савеловском. Помимо необходимых действий, он еще напевает, позванивает, высылает для утреннего приветствия — без всякого моего запроса, — потешного человечка, карикатуру на Эйнштейна, и тот шляется по экрану, высовывает язык, грозит кулаком, смачно отхаркивается и хлопает дверью, если я даю понять, что пора и честь знать. Надо бы пожаловаться Костяну, пусть ликвидирует наглеца.

Словом, мой новый компьютер — едва ли не самая приятная сторона в этой странной жизни.

...а пока мы обрастаем бытом. В Синдикате мне выделили водителя, Славу, и мы сходу подружились — парень он, по его же словам, «битый, ушлый и крученный, как

пороссячий хрен». Коренной москвич, по образованию геолог, прошел все этапы разнообразной жизни столицы последних двух десятилетий, с ее перестройками, очередями, взлетами, дефолтами и рыночной экономикой...

Каждый раз изумляет меня еще одной своей профессией, еще одним эпизодом биографии, о которых сообщает походя, роняя слова как бы случайно.

— ...помню, в бытность мою купцом ганзейским...

— Слава, поясните...

— ...да был у меня ларек на Тишинском, специями торговал... Одолжил капиталу у приятеля, — помню, целый чемодан полтинников. Его маманя наколядовала этих полтинников на поприще теневого бизнеса...

Говорит у него ладный, вкусный, московский — успокаивает. Иногда, после особенно тяжелого рабочего дня, я задремаю под его сказовую интонацию, а когда всплываю, подаю реплики по теме...

— ...и вылезает из авто мордворо-о-ты, — выпевает Слава, — пальцы ве-е-е-ером выгибают...

— Ну?!
— Ну, и остался человек — с опухшим хреном, и без штиблет!

Разъезжаем мы на «Жигулях», и Слава дает понять, что в остальное время суток, — а он работает с нами неполный день, — ездит на другой машине. На какой? — Загадочно лыбится... Физиономия татарская, раскосая, башка бритая, — с виду совершенно уголовная личность. Но это-то и удобно... Вообще, со Славой я чувствую себя защищенной.

История его появления в Синдикате такова: потерпев пять лет назад провал на очередном этапе предпринимательской деятельности, Слава кинулся в ножки к соседу, Гоше Рогову, который, по слухам, варил большие дела в какой-то еврейской конторе.

Гоша, по определению Славы, — «человек недешевый, мудрый старый цапель», в прошлом — полковник известной серьезной организации — в девяностом вышел на пенсию и нанялся к евреям водилой. Евреи платили, что бы там о них ни рассказывали... Получив в то тяжелое время уважительную зарплату и раз, и другой, Гоша отдался новому делу всей душой — а дело поднялось и расцвело: евреи перли в Израиль колоннами, батальонами, армиями, как новобранцы на призыв, — знай только подавай транспорт. В этом было даже что-то неуклонное, мистическое, словно не сами они так решили, а кто-то тащил их волоком, чуть не за волосы... Так что, Гоша поднанял еще ребят на извоз, те несли ему, как положено, оброк чистоганом... Построил Гоша дачу, прикупил небольшой парк машин...

Для начала он взял Славу на испытательный срок. Дело-то нехитрое, говорит мне Слава, выкручивая баранку, ловко выворачиваясь, вывинчиваясь из любой пробки, — они ж, эти израильяне, народ легкий на подъем, шепутной, цыганистый: приехал-уехал, туда-сюда, вокзал-аэропорт, ну, иногда по городу повозы, покажи им «Кремлин», — они: «ах! ох!», — вопят на всю Красную площадь, ребята такие непосредственные... как там Гоша называет их — между нами, конечно! — «клоуны».

— Я сначала от их имен ошалевал, — говорит Слава. — Это ж не имена, а какие-то воровские клички! У меня дома жена заявки принимала, по телефону. Записывала на бумажке. Я прихожу, читаю: «Нога Пас... Батя Бугай... Амация...»... «Ты что, — говорю, — сдурела?! Ты чего мне здесь лепишь?! Что это еще за нога? Что за бугай? Какой такой батя?! Мне ж в аэропорту стоять с табличкой, встречать людей!»

— «Не знаю, — говорит, — так Гоша продиктовал... И, вот, выходит изящная такая дамочка, Нога Паз, у них «нога» — с ударением на «о» — чуть ли не яхонт, или что там еще драгоценное... И Батя Бугай, тоже милая девушка.

А вот Амация, зато... Стою с табличкой, нервничаю, все выглядываю хрупкую барышню, типа гимназистки... Оказался огромный волосатый мужик кибуцник, килограмм на сто тридцать, чуть не в резиновых сапогах, борода — как куст боярышника... Амация, блин!

...Так попал Слава в Синдикат, организацию, как ни крути, полуподпольную, своеобразный рыцарский орден. Я уже заметила: когда человек попадает в нее, даже местный, даже коренной русак, он становится членом закрытого братства. Между прочим, во всем этом есть изрядная доля романтики.

...Меня Слава не упускает случая поучить жизни, зовет, как в деревнях, по отчеству — Ильинична.

— Эх, — говорит, — Ильинична! Ну и представительница у вас! Все какая-то сентиментальность в голове, какая-то советская дружба народов... Давненько вас тут не было. Это ж, доложу я вам, — совсем другая, очень конкретная безжалостная жизнь...»

заявила бы, что делать свою работу у нее «руки не доходят»? А встать в шесть утра и на работе быть в полвосьмого и чтобы отпуск две недели раз в году? Почему вам кажется, что «сочинительство» — это нечто такое, что надо «совмещать» с семьей, с мужем и детьми? Со стиркой там, глажкой, готовкой, с чем еще... с выпеканием пирогов?

Сочинительство — это образ жизни, образ мышления, это тяжкие вериги, это рабство на галерах... А пироги я не пеку, муж у меня — художник и вполне существует автономно как творческая личность, никакой «массы времени» он от меня не требует, потому что на собственной шкуре знает, что такое творчество. Дети писательские всегда несчастны, судьба у них такая. Писательскому ребенку в детстве говорят: «я возьму тебя с собой, если всю дорогу ты будешь молчать» не потому, что мама сволочь, а потому, что не может она отвинтить себе голову и выбросить ее в окно.

Зато эти необходимые брошенные дети имеют кое-какие другие преимущества перед детьми с нормальными родителями. Например, постоянно видят в своем доме разных людей, например, Алексея Баталова, они дышат чуть-чуть другим воздухом и слышат чуть-чуть другие разговоры, что тоже формирует личность не меньше, чем поездка с родителями в «Диснейленд».

— Говорят, сейчас вы дописываете вашу новую книгу — своего рода записки путешественника...

— Да, завершаю последнюю новеллу, которая и даст название сборнику «странствий» — «Холодная весна в Провансе». А дальше приступаю к роману о Ташкенте, «На солнечной стороне улицы» — о сладостной Александрии, ушедшей в небытие... ■

Рубина Дина
131 (N 3) март 2005